

Со школьных времен каждый из нас с трепетом и восторгом повторяет простые слова «классик русской литературы». В сознании невольно всплывают знакомые портретные образы и, конечно, имена. Мы вспоминаем А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, М. А. Шолохова, С. А. Есенина, И. С. Шмелева, В. И. Белова, Н. М. Рубцова, В. Г. Распутина и многих, многих других... Уже на уровне чувства мы осознаем их как нечто стоящее на отдалении, как писателей, которых уже нет среди живых. Формальная логика приводит нас к парадоксальному выводу: классиком становятся только после смерти.

Но и сегодня рядом с нами есть те, кто заслужил право называться классиком. Те, по чьим именам будут определять лицо литературы конца XX – начала XXI века. Именно их произведения и их восприятие Родины, народа, истории будет формировать отношение к нам сегодняшним и к вневременной, вечной, великой России. По их – русских классиков – произведениям, по их жизни будет видно, что магистральная линия русской классической литературы продолжается.

По самобытному, почти притчевому повествованию православного мира произведений В. Н. Крупина, по самоотверженному и подвижническому труду главного редактора «Дня литературы» В. Г. Бондаренко, открывающего новые имена, открыто говорившего о запретном еще в советское время, по публицистике и прозе Ю. М. Лощица, не побоявшегося смотреть в глаза смерти в трагические дни октября 1993 года, по художественным произведениям деревенской прозы В. В. Личутина новые поколения будут воспринимать не либеральную картину становления новой постсоветской России, а полную драматизма историю мучи-

тельных шагов к объединению народа, его примирению и осознанию как части единого великого целого.

Особое место в этом ряду занимает один из последних в когорте великих классиков второй половины XX – начала XXI века В. И. Лихоносков.

1. «ГЕНИЙ» ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ И «СКРОМНЫЕ» ВЕРШИНЫ ПОДВИЖНИКА РУССКОГО ДУХА

Как-то замечательный русский писатель, большая часть жизни которого неразрывно связана с Кубанью, – Виктор Иванович Лихоносков в одном из произведений устами героя сделал важное замечание: «Для некоторых литература стала средством «выйти в люди». Если бы эти «выдвиженцы» только путались под ногами – ну, Бог с ними. Они же лезут наперед, уничтожая самое дорогое и чистое». Не принимая ложь, себялюбие, отрицание собственного прошлого и истории своей страны, Виктор Лихоносков создал произведения, которые, без преувеличения, можно отнести к вершинным творениям русской классической литературы. Известный критик Олег Михайлов, отмечая своеобразие творчества выдающегося кубанского писателя, сказал: «Трогательна нравственная чистота, определяющая тональность рассказов..., трогательны их герои, все больше русские женщины..., трогательна их готовность отозваться, прийти на помощь, их неспособность причинить боль, обидеть человека».

Неудивительно, что имя кубанского автора прочно

вписано в историю русской литературы XX – XXI веков рядом с именами Валентина Распутина, Василия Белова, Евгения Носова, Василия Шукшина, Федора Абрамова. Именно в их произведениях утверждаются истинные ценности, продолжается тысячелетняя традиция русской литературы. Сам Виктор Лихоносов, говоря об этих авторах, отмечал, что своим творчеством «они низко, до самой земли поклонились дедушкам, бабушкам, отцам-матерям за чистоту души, за воспитание в традициях народной правды и добра, за постоянное великое дело, которое они творили вместе со своей страной в годы испытаний, радостей и бед».

Убедиться в том, что творческое наследие нашего земляка ни в чем не уступает ни по силе таланта, ни по художественному уровню лучшим произведениям русской литературы, можно, сравнив его с творчеством, например, А. И. Солженицына. Оба они вошли в литературу примерно в одно и то же время (первый рассказ Солженицына напечатан в 1962 году в журнале «Новый мир», литературный дебют Лихоносова состоялся ровно через год в том же журнале). У обоих есть рассказы-размышления о судьбе женщины: «Матренин двор» А. И. Солженицына (написан в 1959-м, опубликован в 1963-м) и «Марей» В. И. Лихоносова (написан в 1963-м, опубликован в 1965-м). Оба создали рассказы о родине С. Есенина – селе Константиново.

У героини рассказа А. И. Солженицына «Матренин двор» Матрены Васильевны и Марей – героини одноименного рассказа В. И. Лихоносова – много общего. И Матрена, и Марей не имеют детей (Матрене умерших детей заменяет приемная дочь). Обе тяжело болеют. «Ночь, – пишет В. Лихоносов, – и Марее легче, хоть и тянет глубоко в теле жилы, но не дергает, не ломит, как днем.

Вот она опустила ноги к полу, и правая застучала по прохладной доске, затряслись руки, широко, зевками стал раскрываться рот, безобразно обнажая десны. И это на целый день теперь».

Мучения героини А. Солженицына носят периодический характер: «И в эту жизнь, густую заботами, еще врывалась временами тяжелая немочь. Матрена валилась и сутки-двое лежала пластом... сама Матрена не ела, не пила и не просила ничего».

Своеобразно отношение героинь к вере отцов и дедов. «Не сказать, однако, чтобы Матрена верила как-

то истоиво. Даже скорей была она язычница... Сколько жил я у нее – никогда не видал ее молящейся, ни чтоб она хоть раз перекрестилась. А дело всякое начинала «с Богом!» и мне всякий раз «с Богом!» говорила, когда я шел в школу... Был святой угол в чистой избе, и иконка Николая Угодника в кухоньке. Забудни стояли они темные, а во время всенощной и с утра по праздникам зажигала Матрена лампадку», – пишет о своей героине А. Солженицын.

Сходно отношение лихоносовской Марей: «В Бога она верит время от времени, когда как найдет – чаще в минуты слабости и обиды, – молитв не помнит, знала в молодости, да забыла, но в церковь ходит исправно, спрашивает верующих, скоро ли намечается служба, постится перед великим праздником, сама печет вкусную белую пасочку и несет, завернув ее в белый платок, святить; слушает, смотрит на разрисованный ангелами и святыми потолок, крестится вслед за старушками...»

Не отказывают обе сельчанам в помощи: Матрена пашет огороды, Марей сидит с соседскими детьми.

В чем же тогда своеобразие, отличия? Они, как представляется, в авторском отношении к героям и окружающему миру. Олег Михайлов, изучавший творчество и Лихоносова, и Солженицына, справедливо заметил: «Мы знаем примеры, когда рассказ «от себя» превращается в рассказ «о себе», любование миром парадоксально оборачивается любованием собою, собственными переживаниями, тонкостью и интеллигентностью своей души».

Это случай А. И. Солженицына. Уже первые строки рассказа «Матренин двор» наводят на размышления. По словам повествователя, о причине замедления хода поездов на месте трагической гибели Матрены и двух ее родственников, «только машинисты знали и помнили... Да я.» В авторском изображении Матрена – праведница. Все окружающие – злы, алчны, неблагодарны. Да и гибель героини по-настоящему переживал лишь один повествователь. Даже у гроба Матрены рассказчик углядел лишь то, что «плач над покойной не просто есть плач, а своего рода политика». И ни одного, кроме, разумеется, самого повествователя, искренне скорбящего. Может, герою просто не повезло с деревней?

Но больше верится в творческое чутье Виктора

Лихоносова. Защищая местного контуженного парня с чудишкой Федю, Марья скажет:

— Не обижайте его, нехорошо смеяться над больным.

Она не станет единственной светлой точкой в черной картине мира. В многочисленной толпе на причале найдет Марья поддержку: «И не стыдно вам? — заступится за Федю женщина с ребенком. — Вам бы так. Какие все-таки есть люди, — качает она головой».

Есть еще одно несоответствие, которое наводит на мысль об авторском произволе, о стремлении Александра Исаевича Солженицына выдать свои чувства за душевные проявления героини. Матрена потеряла шестерых детей. Но никогда (!) она не только не посещает могилки детей (а что может быть дороже для одинокого человека, потерявшего всех близких), но, по версии Солженицына, даже не высказывает такого намерения.

Марья же, планируя свой день, обязательно находит время зайти на кладбище: «Там, среди редких рябых стволов, находит она могилку в пыли, подправленную на той неделе ее руками, уже осевшую за годы, с выгоревшим крестом...». Превозмогая страх, она возвышает голос против брата, забывшего о сыновних обязанностях: «Когда ж мы оградку матери сделаем? Я давече посмотрела — у чужих могилки как могилки, а на нашей повалилось все».

Неудивительно, что в рассказе «Матренин двор» единственная серьезная старушка, осуждающе глядевшая на похороны на окружающих «у гроба мурлыкала Псалтирь». Такое отношение к православию характерно для Солженицына. Показателен рассказ «Пасхальный крестный ход». Однонаправленное, узко прямолинейное зрение писателя не видит никаких исключений. Девчата в церкви со старушками «перетявкнутся и наружу». Парни «все с победным выражением..., все почти в кепках, шапках. Та же схема, что и в «Матренином дворе» — все кругом не такие, один автор судья, у которого истина. Отчего же тогда он, столь принципиальный и непримиримый в оценках, остается безучастен к происходящему, не делает замечание непотребно ведущим себя в храме?

Как отличается это описание от трогательных картин в романе В. И. Лихоносова «Наш маленький Париж»? Нигде автор не скажет о собственных чувствах, но как минимум уважение к вере предков видно и в

описании церковных праздников, и в изображении монастырского подворья. А чего стоят строки из древнерусских летописей и документов XVIII века, картины старых церквей в романе «Когда же мы встретимся»? Именно это перерождает душу героя произведения, написанного в строгие подцензурные годы!

И уж точно: никогда Лихоносов не спутает правил, временщиков и бюрократов с Россией, с большой и малой Родиной, как это сделал Солженицын в крохотке «Позор»: «Какое это мучительное чувство: испытывать позор за свою Родину. В чьих Она равнодушных или скользких руках...» В повести «На долгую память» В. И. Лихоносов воспринимает жизнь человека и историю Отчизны как духовно нерасторжимое целое: «В древнем человеке, как и в старинных годах его родины, скрывалась какая-то особенность...»

Последнее подтверждение коренного отличия, проявившегося в духовном содержании прозы писателя, — в ощущении благоговения (или отсутствии такового) при соприкосновении со святыней, с историей. Как справедливо заметил О. Михайлов, «познание России становится для героев лирической прозы В. Лихоносова главной жизненной школой, позволяющей обрести прочный нравственный фундамент и горизонты духовности».

Путешествие к Есенинским местам становится для героев и писателей еще одним испытанием.

Крохотка Солженицына «На родине Есенина» уже с первых строк пестрит ужасными сравнениями и эпитетами, главная задача которых — передать ощущение убогости и забитости.

«Четыре деревни — однообразны». Везде — пыль. Садов нет. Нет близко и леса. Хилые палисаднички. Кой-где грубо-яркие наливники. А магазин села Константинова — будка, похожая на хилый курятник. Досталось от автора и хавронье: свинья — и та — зачуханная.

Как это отличается от ощущений героев произведения В. И. Лихоносова «Когда-нибудь» и «Люблю тебя светло»: «Необъяснимая грусть одолела меня. Как-то все сразу увидел и почувствовал я. И счастлив я был, но о чем-то все же жалел».

Восприятие дома Есенина столь же отлично. Герой Солженицына: «В избе Есениных — убогие перегородки... Комнатой не назовешь ни одну. В огороде — сле-

пой сарайчик да банька стояла прежде, сюда в темень забирался Сергей и складывал первые стихи». Даже поле за пряслами вовсе не поле, так – обыкновенное польце.

Лихоносов так описал переживания героя: «И разве дом с табличкой менее обыкновенен, чем соседние, и не та, что ли, жизнь, не те, что ли, люди пережили длинные годы? Но отчего же затмило сознание». «А под горою за садом я писал письма и ощущал окрестное так, будто расставался с жизнью».

Солженицын полон недоумения: «Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясенный, нашел столько слов для красоты – у печи, в хлеву, на гумне, за околицей, – красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?»

Но в затоптанной красоте гении не рождаются. Это понял герой Виктора Лихоносова: «Над тысячеверстной зеленой русской равниной чистое небесное диво России, впервые закричавшее в ногах у матери в конце века. Мальчик из сказки, и я не могу расстаться с ним».

Даже простое сопоставление приводит нас к выводу: по силе изобразительного таланта, а уж тем более по духовной наполненности произведения Лихоносова не только не уступают, но превосходят сочинения Нобелевского лауреата А. И. Солженицына. Причина проста: источник вдохновения нашего земляка – великого русского писателя в памяти о предках, в уважении к их вере и их могилам, в преданности родной земле, родной истории. В любви ко всему, что окружает, наконец.

У А. И. Солженицына – сплошное любование собой. О Нобелевском лауреате скажу словами В. И. Лихоносова из рассказа «Тоска-кручина»: «Знания... велики. Но накопленные без любви, они никого не согрели».

2. РОДНЫЕ РУССКИЕ ЛЮДИ...

На последнем юбилее В. И. Белова выступал В. И. Лихоносов. Говоря о месте и роли писателей в России, он обратился к Василию Ивановичу и притихшему залу: «Писателей у нас много хороших. Но родных писателей мало. Мы живем сейчас в такое время, Россия

переживает такую трагедию, что нам нужны родные русские люди. Во всем. И в искусстве тоже».

Такое видение, умение замечать родных писателей, равно как и трепетное, бережное отношение к главным словам жизни, к ценностям и идеалами своего народа закладываются у человека еще в раннем детстве, передаются от родителей.

Особое, ни с чем не сравнимое, ничем не заменимое чувство – чувство матери. Ощущение родительской заботы и ласки. Как оно одинаково для всех, определяемое простыми словами – любовь матери. И как оно разнится для каждого. Как по-разному чувствуем, как непохоже связываем проявления, события, детали с чем-то важным, именуемым простым словом «мама». Или как тянемся к заботе тех, кто заменил нам ту, что в силу разных обстоятельств мы теряем еще в детстве.

Именно это качество – умение понять душу женщины, способность посмотреть на мир ее глазами – есть признак, выделяющий настоящего мастера, писателя национального, более того, – мирового уровня.

В. И. Лихоносов совершает двойной подвиг писателя. В повести «На долгую память» он сумел показать огромный окружающий мир глазами ребенка, но одновременно – окинуть его взглядом взрослой женщины – женщины-матери.

Удивительным образом переплетаются в этой повести явные литературные параллели и смутные, на уровне чувства, подсознания писательские ассоциации. В начале повествования повзрослевший герой Женя Бывальцев приезжает на родину – в Кривошеково. «Точно герой какой-нибудь сказки, ступал он по знакомой земле, на которой его будто бы позабыли, перестали ждать его возвращения. <...> Первые возгласы были не о нем, о матери».

Но родная земля дает силы Жене. Он перестает чувствовать себя оторванным от окраины своего большого города, от улицы, на которой прошло его детство, от жителей, знакомых с детства и незнакомых вообще: «А они для него и вдалеке были живыми. И чувство неизменно было высокое, с каждым шагом становился он младше и первого соседа, поднявшего ладошку к бровям, принимал как близкого человека».

Вообще отличительной чертой прозы В. И. Лихоносова является какая-то неяркая, порою потаенная, но вполне чувствуемая, воспринимаемая почти физи-

чески широта охвата мира. Картина жизни человека у него вырастает до всемирного масштаба, становится уже не частной историей одного человека, а изображением судьбы всего народа. Так и в повести «На долгую память». Герой радуется, что улица его детства осталась незастроенной типовыми многоэтажками: «Душа, привыкшая к полевой вольности и воздуху, не переносила стеснения».

Уже в эмиграции замечательный русский философ Иван Ильин напишет работу, в которой будет рассматривать геополитические, планетарные факторы формирования национального характера. Говоря о простом мужике, он заметил, что русская удаль, широта и безудержность в радости и горе обусловлена бескрайними просторами, на которых проживал русский человек: «Знаменитая широта русской души соответствует необозримым российским пространствам. <...> Безмерные жизненные устремления русского человека подвигали его к освоению безбрежных земных просторов. Открытия новых земель не порождали нового жизнеощущения, а являлись следствием неких душевных перемен и духовных потребностей в русском человеке».

Духовные потребности героев В. И. Лихоносова формируются на страницах всех его крупных произведений. Свидетелями их развития является читатель. Так мы не просто открываем для себя рост героя, мы проживаем вместе с ним жизнь... Удивительно восприятие мира маленьким героем повести «На долгую память». Героя, разделившего судьбу целого поколения, судьбу, ставшую одинаковой для десятков тысяч мальчишек и девчонок, потерявших погибших на войне отцов. И жизнь эта, равно как и волнения и чувства детей, нам понятны, близки, становятся своими, почти родными переживаниями.

Герой одного из любимых В. И. Лихоносовым авторов – И. А. Бунина – в романе «Жизнь Арсеньева» признается: «Младенчество свое я вспоминаю с грустью». Первые детские воспоминания – комната в доме, поле, луг: «Где были люди в это время? Были собаки, лошади, овцы, коровы, работники, были кучер, староста, стряпухи, скотницы, няньки, мать и отец, гимназисты братья, сестра Ольга... Почему же в моей памяти остались только минуты полного одиночества?»

И только позже герой открывает для себя людей –

мать, сестер, няню, отца. Судя по повествованию, без особой душевной приязни. Только мать становится «самой горькой любовью» всей его жизни. Надрыв, душевный надлом приводит к специфически болезненному восприятию жизни и людей. Природа, животные первыми входят в душу и сознание, а люди – позднее. Удивительно, но, даже оторвавшись от чувственного восприятия, оперируя категориями разума, герой в приведенной цитате на первое место ставит не прислугу, даже не братьев и сестер, – собак, лошадей, овец...

Гораздо шире взгляд юного сверстника Арсеньева в повести «На долгую память»: «Любовь к простонародному сердцу пробудилась в нем с гулянок, когда он вдруг замечал, как неистребим человек. <...> ему полюбили глядеть в эти минуты на простого человека, на мать, на отца, на соседей, которых он слышал и видел каждый Божий день <...>, глядеть и изумляться, до чего же они живые и непропащие, никакою бедою и участью не сложенные!»

Неудивительно, что они не сливаются в одну большую, безликую массу, их облик не становится общей маской: «И лица их, как нарочно, попадались ему позднее повсюду на большой земле: на вокзалах, в общих вагонах, в очередях, во всяких избушках, и, сталкиваясь близко, все превращался он в маленького, тихо изумленного Женю». Эта детскость восприятия жизни, чистота и искренность оценок роднят героя с вершинными образами русской литературы.

Такая открытость миру и людям – отличительная черта русской классической литературы, открывающей окружающий мир не как враждебное и неизвестное, а как новое и открытое для диалога. Герой романа «Любовины» В. М. Шукшина Кузьма, разглядывая на праздничном застолье собравшихся, встречается взглядом с Марьей, напомнимшей ему родную маму. «Он не знал мать, но по рассказам Платоныча и других людей восстановил для себя дорогой образ, свыкся с ним, бережно хранил... Ему казалось, что он ее помнит; он даже встречал женщин, похожих на мать».

Удивительно, но еще только детское восприятие героя Лихоносова буквально сходно: «И то надо сказать: родного отца он не помнил. В какой-то пасмурный летний день принесли повестку, кто-то (кого он потом вспоминал как отца) брал Женю на руки, мать плакала, и мальчик запомнил, как неловко и стыдно было ему

оттого, что вокруг него плачут, а он не может, он не понимает, зачем плачут, зачем эти сборы и проводы и зачем прощаются».

Несчастливым ощущал себя Женя потому, что он не видел и не запомнил многого. Он бы еще крепче доложил горестным чувством тех лет: «Не мог же я быть чуть постарше», – сокрушался он в юности, когда убедился всем существом своим, что он только росток, только веточка, а корни давно сгнили где-то в глубокой земле у Зеленого Гая».

Ощущение себя частью целого – начальная точка формирования сознания русского человека. Сколько произведений русской литературы были посвящены этой стороне жизни. К великим образам «Задонщины» восходит повествование В. Г. Распутина «Живи и помни», о том, как оторвавший себя от общей исторической судьбы своего народа Андрей Гуськов теряет человеческий облик вначале морально, а затем и в прямом смысле. Таясь от людей в полном одиночестве и слушая волчий вой, он сам уподобляется лютому зверю и начинает выть.

Росток, веточка, соединяющая Женю Бывальцева – вера предков.

Все поведение героинь В. И. Лихоносова (Марья из одноименного рассказа В. И. Лихоносова, мама Жени, Физа Антоновна из повести «На долгую память») укладывается в православно осмысленные действия. Этот путь постижения православия характерен для многих писателей советского времени. Преодоление атеистического, а иногда и богоборческого наступало через следование заветам народной морали, которые через тысячелетнюю традицию вырастали из православных норм нравственности.

Неудивительно, что героини Лихоносова чаще всего сочетают как бытовую повседневную (похожую на обрядовую) линию поведения, так и глубоко осмысленные действия.

Все события жизни мама соотносит с церковными праздниками: под Крещение приходили подруги, на Троицу получила похоронку из военкомата...

Но одно событие она воспринимала как Божье милосердие. После продажи коровы она решила уплатить налог. И сразу после оплаты банк закрылся ввиду денежной реформы. Многие плакали, но сделать не

могли уже ничего. Физа Антоновна вернулась домой и, «раскаившись, сразу же вынула из стола маленькую икону, лежавшую там, в уголке за чашками и кусками хлеба со дня похоронной, вытерла ее чистым полотенцем, попросила тихо прощения и повесила в уголок над кадкой с фикусом». Возвращаясь к прежнему жизнеустройству, когда в красном углу – икона, перед которой на праздник теплилась лампадка, она словно приобретает новые силы для жизни.

Неудивительно, что одной из любимых у Жени Бывальцева стала притча о Лазаре и Абраме, в которой утверждался Божий промысел в том, как награждается смиренно терпящий мучения и несправедливость и как наказывается тот, кто глух к страданиям ближнего. И пускай герой не до конца понимал, отчего «Бедный кроткий Лазарь после стольких мук готов был простить и помочь своему брату, и только Бог, наверно, не захочет простить». Главное – детское сердечко просило несправедливость и жестокость. Слишком много ее было в жизни вокруг сирот минувшей войны...

Как эти образы отличаются от маленького героя «Жизни Арсеньева». Только страх воскрешал в душе героя мысль о Боге. Например, гроза с раскатами грома привели к тому, что юный повествователь «чувствовал божественное величие мира и Бога... Зато какое облегчение настало потом, когда все стихло». Мысли о смерти неизбежно связаны с размышлениями о Боге.

Зато поездки к обедне, в Рождество приносят иные мысли и ощущения: «А в церкви – теснота...; и чувство тайной гордости: мы впереди всех, мы так хорошо, умело и чинно молимся, священник после обедни подает нам целовать пахнувший медью крест прежде всех...»

Как это отличается от религиозного чувства, воплощенного с удивительной силой И. С. Шмелевым в образе сверстника Жени Бывальцева мальчика-повествователя «Лета Господня» и «Богомолья». Удивительно у него чувство Бога: «И видится мне за вереницей дней Поста, – Святое Воскресенье, в светах. Радостная молитвочка! Она ласковым светом светит в эти грустные дни поста.

Мне начинает казаться, что теперь прежняя жизнь кончается и надо готовиться к той жизни, которая будет... где? На небесах». Это религиозное чувство трансформируется в любовь и сочувствие к ближнему. Во

время путешествия в Троице-Сергиеву лавру герой плачет о страдающем от боли Горкине и предлагает ему сесть в телегу, а его грех за это он готов взять на себя. Чего стоят проникновенные строки о простом русском мужике Мартыне и истории о его таланте («Царский золотой») и его совести, чувстве долга и внутреннем достоинстве («Матрын и Кинга»).

Образ матери вырастает в повести «На долгую память» до собирательно-обобщенного образа русской женщины, в высшем ее качестве — до зримо воплощенного образа национального идеала. Закономерно авторское отступление (а их в тексте практически нет) в момент воспоминаний об утренних сборах на покос: «Удивительно, когда вообще спят русские женщины. Всю юность поражала женская неутомимость. Куда бы ни поспешил — всюду впереди тебя были женщины». Жертвенность главной героини повести, когда, даже выходя замуж во второй раз, она думает только о благе сына (поднимать с мужем ребенка легче, а самой-то стерпится) основан на правде жизни. И становится героиня тем самым «родным русским человеком», понятным и «теплым» для каждого читателя, кто сердцем способен прочувствовать эти картины послевоенного быта.

Живя ради сына, Физа Антоновна преодолевает себя, становясь родным человеком и для нового мужа Никиты Ивановича. Но настоящей опорой для матери Жени он так и не станет. Как правильно о таком женском типе сказал В. М. Шукшин: «Умеет радоваться наша хорошая русская женщина. Легче жить, когда в доме такая вот умная, терпеливая, «незряшная»... Такой и пожаловаться не грех: поймет ли, не поймет, а все легче станет. Где не поймет, так чутьем угадает, что тебе тяжело, и уж равнодушной не останется».

И наступает «рай» для Никиты Ивановича, которого поняли, терпели, которого чутьем угадывали. Но его постоянное самовосхваление и пустые обещания воспринимаются детским сердцем открыто: «...если бы детство действительно возвращалось к человеку наяву, в нем бы хотелось пожить еще и затем, чтобы не знать разочарований и не видеть в старших отступников, хитрецов и фальшивых героев. И все таким же бы чудесно-забавным летел перед ним образ Никиты Ивановича, русского мужика, которому хотелось во всем подражать».

Женя Бывальцев воспринимает мир по-детски наивно, не так, как его мать. Только взрослея, он начинает понимать мучения и боль, слезы и страдания самого родного человека, а самое главное — ту жертву, что она приносит ради сына. Именно свой, родной взгляд на мир матери передается сыну, который, даже взрослея, «долго видел детскими глазами поэзию там, где взрослые просто жили, старались и торопили дни».

Размышляя в статье «Ближний свет издалека» о природе национального сознания и роли Сергея Радонежского в становлении русской духовности замечательный русский писатель В. Г. Распутин сказал о многообразии русских людей как живущих, так и созданных творческим воображением писателей. Их, по мнению Распутина, объединяет главное — душа: «А потому это даже не имена, а некое общее подвижническое служение, скрывающееся за именами, сцепление согласием и любовью ко всему светлому». Именно поэтому недруги России «ненавидят всякую святость в большом и малом, в народе и человеке, в поступке и мыслях, иконе и пении, ненавидят даже несостоявшуюся святость, ибо она может не загаснуть».

Творчество В. И. Лихоносова — и есть то самое подвижническое служение русской литературе и национальной истории, о котором сказал В. Г. Распутин. Лихоносовым созданы проникновенные образы, пускай не святых, но настоящих, живых людей, чьи поступки и мысли часто стремятся ввысь и в вечность. Одно из его произведений названо фразой, которую писатель в равной степени может отнести и к Родине, и к своим любимым героям, и к каждому, кто ему дорог в жизни: «Люблю тебя светло...» ■